Г. САПГИР

МОСКОВСКИЕ МИФЫ

Москва
Издательство «Прометей»
МГПИ им. В. И. Ленина
1989

Г. САПГИР

МОСКОВСКИЕ МИФЫ

Москва
Издательство «Прометей»
МГПИ им. В. И. Ленина
1989

ББК 84Р7—5
С19

Издание осуществлено за счет средств автора

Сапгир Г. В. Московские мифы. Стихи. М., Прометей, 1989. — стр.

Г. Сапгир родился в 1928 году на Алтае. Начал печататься в 1959 г. Его стихи для детей и переводы собраны в десятках сборников издательств «Советский писатель», «Детская литература», «Советская Россия», «Художественная литература», «Малыш», «Физкультура и спорт» и других. Кроме того, им написан ряд киносценариев, в основном мультфильмов.

Г. Сапгир — автор более двадцати пьес для для детей, многие из которых поставлены в театрах нашей страны и за рубежом. Он — член Союза кинематографистов СССР, член УНИМА, международной организации кукольников, член Московского профессионального комитета литераторов.

С $\frac{4702010202—315}{183\ (2) — 89}$ **без объявл.**

© Генрих Вениаминович Сапгир, 1989

Мне было тогда 23 года. Я был ленинградец. Сапгир был старик 30-ти лет. Он был москвич. И хотя москвичи в 1960 году сетовали на то, что прежняя Москва исчезла, именно тогда я застал свою Москву, которой предстояло еще исчезнуть на моих глазах. Другая зима, другое небо, другие квартиры и люди. Художники и поэты ютились в ветхой коммунальной, но все еще своей Москве, отличаясь радушием, открытостью и нелепостью. Холин, Сапгир, Е. Л. Крапивницкий, Харитонов, Рабин...

Долгое время я измерял Москву именно этим первым впечатлением, пока она меня не засосала.

За эти годы Сапгир написал не менее двух десятков книг, прошел путь. Путь этот отмечен возрастом и формой. И сейчас, когда его стихам наступил свой поздний черед, меня особенно радует, что первая его книга взрослых стихов, напечатанная не на машинке, а в типографии, носит московское название. И содержит в себе те стихи, которые я услышал первыми:

Вон там убили человека
Вон там убили человека
Вон там убили человека
Внизу — убили человека...

Поэт — это интонация. И интонация доверительная. Реальность только сдвинута — на это доверие, но она не снята. Как во сне, полет на полметра от земли.

На мой взгляд, у Сапгира очень здоровый мир, даже слишком. Потому что мир художника — это его отношение к миру. Не знаю, безумен ли этот мир, но он вполне может свести с ума. Поэт не сходит, между тем, с ума, сохраняя эту дистанцию здоровья.

И здоровье это, настаивая на своем, прикидывается простачком, прикидывается дурачком. (Простачок, дурачок — в душе человек реального дела.) Ибо смех — это последняя реакция нормы, когда уже ничего нельзя поделать.

Но у поэта то преимущество, что стихи и есть его дела. Поэтому он всегда выходит победителем из битвы с нереальностью.

Андрей Битов

ГОЛОСА

ГРОТЕСКИ

1958—1962

ГОЛОСА

Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Внизу — убили человека.

Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем. Посмотрим на него.

Мертвец — и вид, как есть мертвецкий.
Да он же спит, он пьян мертвецки!
Да, не мертвец, а вид мертвецкий...
Какой мертвец, он пьян мертвецки —

В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
.....

Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,

И выноси его на двор.
Вытаскивай его на двор.
Вытряхивай его на двор!
Вышвыривай его на двор! —

И затворяй входные двери.
Плотнее закрывайте двери!
Живее замыкайте двери!
На все замки закройте двери!

Что он — кричит или молчит?
Что он — кричит или молчит?
Что он — кричит или молчит?
Что он? — Кричит или молчит?..

ОДИНОЧЕСТВО

Тут, на полу, на полках склада
Толь, гвозди и — кому что надо —
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Бутылку и стакан — на бочку!
Пьет водку молча, в одиночку.
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Очки на лбу. Подслеповато
Глядит. Жена? Была когда-то.
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Глядит — и тянутся концами,
Кривыми скалятся зубцами
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Вдруг инструмента стало вдвое...
Все поскакало вкруговую:
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Довольно! Хватит! Надоело.
Лежите смирно. Ждите дела,
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Поднялся. Вышел из сарая.
Замок навесил, запирая
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Луна. Леса. Громада стройки.
Барак. Старик уснул на койке.
Лопаты... пилы... топоры...
Кувалды... кирки... и ломы...

Льву Кропивницкому

ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ

Пахнет пирогами. Тихо.
Прилегла и спит старуха.

Из-за ширмы вышел зять,
Наклонился что-то взять.
Мигом сын вскочил с постели
И стоит в одном белье —
Тело белеет.
Вдруг
Зять схватил утюг.
Хряк! —
Сына сбил с ног.
(Крикнуть порывалась,
Но пресекся голос,
Встал отдельно каждый волос!)
Зять глядит зловеще:
«А ну, теща, отдавай мои вещи!»
Надвигается на тещу —
И не зять, а дворник —
И не дворник, а пожарник.
За окном кричат: Пожар!
Запевает пьяный хор.
В багровом отсвете пожара
За столом пируют гости.
Зять сидит на главном месте.

Рядом с ним соседка Вера
Хлопает стаканом водку.
Зять облапил, жмет соседку.
Целовать! Она не хочет,
Вырывается, хохочет.
Зять кричит: «Женюсь, ура!
А законную жену
Из квартиры выгоню
Или в гроб вгоню!»
Галдеж: «Давно пора!»
В комнате все жарче,
Ярче.
С треском лопнуло стекло.
Дымом все заволокло.
Лица,
Глаза, разинутые рты —
Все проваливается...

В солнце половина комнаты.
На столе блюдо —
Пирогов груда.
Сын стоит в одном белье.
Из-за ширмы вышел зять,
Наклонился что-то взять:
— Эх, погодка хороша!
— С праздником вас, мамаша.

СМЕРТЬ ДЕЗЕРТИРА

— Дезертир?
— Отстал от части.
— Расстрелять его на месте.
(Растерзать его на части!)
Куст,
Обрыв, река,
Мост
И в солнце облака.
Запрокинутые лица
Конвоиров,
Офицера.
Там
Воздушный пируэт —
Самолет пикирует.
Бомба массою стекла
Воздух рассекла —
УДАР . . . . . .
Наклонился конвоир,
Офицер,
Санитар.
... еще живет.
... нести.
Разрывается живот,
Вывалились внутренности.
Сознания распалась связь...
Комар заплакал, жалуясь.
Вьется и на лоб садится,

Не смахнуть его с лица...
По участку ходит мрачен,
Озабочен:
На доме прохудилась крыша,
На корню
Засохла груша,
Черви съели яблоню.
Сдох в сарае боров,
Нет на зиму дров.
А жена? Жена румяна —
На щеках горят румяна,
Она гуляет и поет, —
Никого не узнает.
Говорит: «Чудные вести:
Пропал без вести,
Пал героем,
Расстреляли перед строем!»
Взял молоток,
Влез на чердак
И от злости
И тоски
Загоняет гвозди
В доски,
Всаживает
В свой живот.
Что ни гвоздь,
То насквозь.
Нестерпимая резь.
— Ай!
— Ой!

— Смотри: еще живой.
— Оставь, куда его нести,
Вывалились внутренности.
(Комар не отстает, звеня.)
— Братцы, убейте меня.

ЗЕМЛЯ

Полдень. Пыль. Удары.
Разрыты горы.
Экскаваторы — чудища!

Вдвоем, уединения ища,
Пришли на кладбище, —
На козье пастбище.
На могилу прилегла она:
Чулки из нейлона,
Косматое лоно.
Узкогруд,
Худ Он.
Нервно возбужден.
Руки дрожат.
Она ждет:
— Ну!..
Что-то бормочет,
Пунцов от досады.
Она над ним хохочет.
Зной на них течет.
Зыблются ограды,
Памятников груды.
— Ушел.
— Убежал!
Летит одуванчиков пух...
В лопухах

Возник
Козел:
— Бе!
За рога притянула к себе.
Щекотанье меха — брюха...
Задыхается от смеха
Зарычала глухо
В упоении греха...
Мясисты
Листья
Лопуха...
Под дерном застонали кости
От зависти
И злости.
Рычат моторы.
Экскаваторы
Землю грызут.
Отдается сразу
Всем она!
В воздухе летают семена...

Женщина
Растерзана и смущена,
Красным солнцем освещена
По земле идет, ступая,
Как пьяная или слепая,
Туда —
Где спутались шоссе и корпуса,
Столбы и волоса.
Репейник ей вцепился в провода.

РАДИОБРЕД

Лежа, стонет.
Никого нет.
Лишь на степке черный рупор,
В нем гремит народный хор.
Дотянулся, дернул шнур!
Вилка тут, розетка там.
Не верит своим
Ушам:
Шум,
Треск,
Лязг металла.
Радио забормотало:
«Последние известия.
Экстренное сообщение!
... На месте
Преступления.
... Большинством голосов.
... Градусов
Мороза.
...Угроза
Атомного нападения
Эпидемия...
Война...
Норма перевыполнена!»
Снова хор. На фоне хора
Соло авиамотора.
Рев

Реактивной авиации.
Взрыв
Оваций!
Больной глядит остеклянело,
Рука
Судорожно сжала одеяло.
Из дверей — издалека
Показался некто.
— Доктор!
Надо
У меня проверить гайки.
Диктор:
«Лунная соната.
Исполняется на балалайке».

ВОЙНА БУДУЩЕГО

Взрыв!

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Жив!?!

«На что жалуетесь, гражданка?» Была она баба бойкая, а тут будто язык отнялся. Стоит, плачет — ничего сказать не может. «Дать ей новую квартиру и десять тысяч от моего имени».

(Из народного фольклора)

«ОБЕЗЬЯН»

Вышла замуж.
Муж, как муж.
Ночью баба
Разглядела его, по совести сказать, слабо.
Утром смотрит: весь в шерсти.
Муж-то, господи прости,
Настоящий обезьян.
А прикинулся брюнетом, чтобы, значит,
Скрыть изъян.
Обезьян кричит и скачет,
Кривоног и волосат.
Молодая чуть не плачет.
Обратилась в суд.
Говорят: нет повода...
Случай атавизма...
Лучше примиритесь...
Не дают развода!
Дивные дела! —
Двух мартышек родила.
Отец монтажник-верхолаз
На колокольню Ивана Великого от радости
залез

И там на высоте,
На золотом кресте
Трое суток продержался, вися на своем хвосте.
Дали ему премию —
Приз:
Чайный сервиз.
Жена чего не пожелает, выполняется любой ее
каприз!
Что ж, был бы муж, как муж, хорош,
И с обезьяной проживешь.

РАЗГОВОРЫ НА УЛИЦЕ

Жена моя и теща
Совсем сошли с ума
Представь себе
Сама
Своих двоих детей
Нет главное — коробка скоростей
У нее такие груди
На работе мы не люди
Она мне говорит
А я в ответ
Она не отстает
Я — нет и нет
Оттого что повар и
Перепродает товары
Еще увижу с ним — убью
Мать
Твою
Уважаю, но отказываюсь понимать
Да что тут понимать
Сделала аборт
В ресторане накачался
Не явился на концерт
У бухгалтера инфаркт
Присудили десять лет
Смотрят а уж он скончался
Я и сам люблю балет.

НОЧЬ

Уберите, уберите нож...
Он хороший человек, он хорош...
Одно неладно: в голове дыра...
В атаку, сволочи,
Ура
Вася?
А?
Не кричи
И не храпи.
Спи...
Милая, люблю тебя,
Всю тебя...
Оставь, пусти меня, не надо...
Надо!
Надо, надо, надо!
Вера, Ира, Лида, Ада...
Рикошетом в угол —
Гол!
Лезьте все на небо!
Жаба...
Прошу тебя, прости.
Люблю...
Корень из бесконечности
Равен нулю...
Не храпи — опять храпишь!
Спи.
Спишь?

ПРЕМЬЕРА

Начинается премьера —
Драма Шекспира,
Мольера
И Назыма Хикмета.
Героиня Джульетта,
Дочь короля Лира,
Любит слесаря Ахмета.
Ахмет не любит Джульетту.
Ахмет встречает Анюту...
В эту самую минуту
Побелела, как стена,
Крикнула: «Боюсь отца!»
Публика накалена.
Режиссер волнуется.
Дело близится к развязке.
Вот Джульетта в черной маске...
Отравлена Анюта!
Ахмет ее за это...
Зарезана Джульетта,
Король казнит Ахмета.
Не выдержали нервы —
Режиссер схватил рапиру,
Бросился на сцену.
— Варвар!
Одним ударом
Покончил с Лиром.
Сам

Охвачен пафосом —
Продолжает монолог
Оскорбленного отца.
(Публика беснуется.)
Вдруг
Провалился в люк.
(Публика неистовствует.)
Справедливость торжествует.
И хохочут фурии
В храме бутафории.
И визжат эринии
У трамвайной линии.

СТОЛИЦА

Десять миллионов
Магазинов,
Ресторанов,
Министерств, контор, заводов,
Поездов и пароходов,
Самолетов.

Вибрирующий звук.
Ток.
Ритм напряженно убыстренный.
Вчера:
«Ура, молодожены!»
Был внимательный и робкий.
А сегодня вместо пробки
Жену включил
В сеть —
Электрический разряд!
А соседи
Говорят:
— Ты вредитель.
— Он убийца, я свидетель!

В милиции тупые лица:
Переполнена тюрьма,
Перегружены больницы,
Сумасшедшие дома.
Вернулся в комнату свою.

А там
Вселяют новую семью —
В дверях торчит буфет углом.

Ни крова, ни сочувствия.
Напился до бесчувствия.

Вот его квартира!
Вот его кровать!
На кровать наблевать!
Лег поперек тротуара.

Над ним,
Кругом
Идут бегом,
Мчатся десять миллионов
Магазинов, ресторанов,
Министерств, контор, заводов,
Поездов и пароходов,
Самолетов.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОХОРОНЫ

На каланче кричат вороны.
УМЕР НАЧАЛЬНИК ПОЖАРНОЙ
ОХРАНЫ!
Красная телега
Везет бидоны из продмага.
Футбольная команда
Несет пожарный инвентарь.
Погиб вратарь —
Искусный бондарь,
Последний в городе кустарь.
Оркестр из клуба
На кладбище провожает дирижера.
Жарко.
Рявкает труба.
Машина катит без мотора.
Пыльно.
Рявкает труба.
Проявляя беспокойство,
Озирается начальство:
В магазинах — пусто —
Вместо
Хлеба — водка и спички...
Из печки
Вылетела искра.
Запылала занавеска.
Дым валит из трех окоп.
Пожары с четырех сторон...

Над могилой произносят речь:
— Имущество надо беречь.
Пусть каждый житель
Приобретет огнетушитель...
Все громче карканье ворон.

ЗНАМЕНИТЫЙ ХИРУРГ

Хирурга
Вызвали из морга.
Что там?
Вертолет подкатил к воротам.
Последние рукопожатия,
Объятия,
Отплытие.
Оркестр
Играет фугу «Красный крест».

Тяжелое ранение
В лесу — в далекой области.
«Начинается гниение
В области
Брюшной полости».
Приближенье парохода,
Самолета,
Парашюта. —
В воздухе раскрылся макинтош.
Врача встречают на пороге
Провинциальные коллеги.
Больного сунули под нож.
Врач в лесу — в далекой области
Проявляет чудеса доблести;
Под лампой занавешенной
Оперирует, как бешеный.
Разрубил больного топором —

Пополам!
А больной говорит:
«Я сейчас в бреду».
Больной говорит:
«Я сейчас приду,
Продолжайте операцию без меня»...
Сегодня
Герой
Возвратился в столицу,
В свою больницу.
Пафос встречи.
Вот отрывок из его речи:
«...Скверно!
Диагноз был поставлен неверно.
Но, вообще, операция челюсти
Не лишена своеобразной прелести».

ИКАР

Скульптор
Вылепил Икара.
Ушел натурщик,
Бормоча: «Халтурщик!
У меня мускулатура,
А не части от мотора».
Пришли приятели,
Говорят: «Банально».
Лишь женщины увидели,
Что это — гениально.
— Какая мощь!
— Вот это вещь!
— Традиции
Древней Греции...
— Сексуальные эмоции...
— Я хочу иметь детей
От коробки скоростей!
Зачала. И в скорости
На предельной скорости,
Закусив удила,
Родила
Вертолет.
Он летит и кричит —
Свою маму зовет.
Вот уходит в облака...
Зарыдала публика.
ТАКОВО ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ
ВОЗДЕЙСТВИЕ ИСКУССТВА!

Раскланялся артист.

На площади поставлен бюст —
Автопортрет,
Автофургон,
Телефон -
Автомат.

ДВА ПОЭТА

На дороге
Волочится воловья шкура.
В овраге
Лежит ободранная туша,
Ноги кверху задраны,
На осине голова.
Глазеет бритая сова.
К реке идут Сапгир и Холин.
Смеется филин
Над простофилями.
Овечья шкура удаляется,
Под ней лопатки
Выделяются,
Четыре палки
Передвигаются.
Поэт Холин заявил:
«У меня возникло подозрение,
Что это — обман зрения».
Но по мнению Сапгира,
Эта шкура
Не собачья,
Это человечья
Кожа, из которой шьют перчатки,
На пятки ставят заплатки,
Вьют спирали
На электроплитки;
Пергамент, на котором

Вырубают правила морали
Топором! . . . . . .
А корову все же ободрали
Несмотря на прописи морали.
Хохочет Холин,
Хохочет филин,
Хохочет эхо

Бычья шкура лопается от смеха.
И в лесу становится тихо.

БОРОНА

Бригадиру
Понравилась доярка Вера —
И не Вера, а корова —
Не корова, а изба —
Посреди двора четыре столба.

Настал Покров.
Бригадир Сергей Попов
Справляет свадьбу и поминки —
Свадьбу с Веркой, поминки по Нинке!
В клубе жарко.
Доярка Верка
Подскочила к трактористу из соседнего села,
Будто в ЗАГСе не венчалась,
В церкви не была.
Под звуки джаза
В пляс пошла коза
С медведем
На смех людям.

Жениху — обида,
Что и говорить...
Ночью вышел покурить...
Земля вспахала тракториста,
Живого места
Не осталось!
На снегу борона — зубья вкось,
Рыбья кость!

ГЕРОСТРАТ

На улицах иллюминация.
— Это Афины?
— Нет, не Афины.
Это Венеция?
— Нет, не Венеция.
Тут на башенках антенны,
На колоннах микрофоны.
Музыка играет,
Публика гуляет,
Пьяные горланят,
Подростки хулиганят.
Юбка выше
Колен,
Проститутка в нише
У колонн.
К террасе ресторана
Подъехала машина.
Гляди на море, мужчина
Женщине сказал солидно:
«Настали дни спокойствия и мира,
Это очевидно».
Женщина сказала:
«Сыро.
Хочу шампанского и сыра».
В темноте завыла сирена.
Кто-то вышел из вагона.
— Говорят:

Герострат
Поджог
Рейхстаг!
— Где горит? —
Спросила:
— Около вокзала?

— Нет, — сказал мужчина, — это
Совсем не в нашей части света.

УРОК

— Кто эта красавица?
— Говорят, певица.
Да, она — актриса.
Едет на гастроли.
Каюта первого класса
В семилетней школе.
Звонок.
По коридору топот ног.
Разодранная карта
И хаос парт у борта.
Катастрофа! Фортепьяно
Тонет в волнах океана.
Нина не растерялась, она
Прыгает в холодную воду.
Идет ко дну.
Достигла дна —
И возвращается к народу.
Навстречу тянутся ручонки.
Учительница Нина
Показывает в банке
Тритона.
(А сама на юге где-то
Вышла замуж за поэта.
Муж свиреп, как порох...)
Трах!
Нина выронила банку —
И тритон полез на стенку.

Смеются дети. Море сине.
Цветы и речи — героине!
Перед толпой на пристани
Она поет отрывки из оперы Кармен...
Она
Хозе
Бросает розу —
Влюбился сразу
Капитан!
Зал аплодирует. Елена
В толпе завидует: мужчина
Подругу на руки берет.
Во весь экран — глаза и рот!
Затрепетала Нина
В руках у капитана.
Гудит гудок, звенит звонок.
Прощай, капустный городок,
Где нет ни моря, ни театра —
И только сны томят под утро!..
Дети окружили Нину
И бегут на перемену.

КЛЕВЕТА

Напечатали в газете
О поэте.
Три миллиона прочитали эту
Клевету.
Незнакомцы,
Незнакомки
Шлют поэту:
анонимки:
— Спекулянт!
— Бандит!
— Убийца!
— Печать не может ошибиться!
— А еще интеллигент...
— Справедливые слова.
Общественность — она права. —
Сказали чукчи и звенки.
Редактор не подал руки...
Друзья-интеллигенты
Поэту принесли венки
И траурные ленты.
А поэт пропал без вести
Говорят,
Уехал в гости.
Ни покаяния,
Ни завещания,
На двери
Три
Буквы —

На прощание.
На окраине Москвы
На шоссе
И в лесу
Поутру
По росе
Идет бандит и спекулянт:
Каждая росинка — чистый бриллиант!
Хорошо убийце
На зеленом лугу!
В солнце
Лес дымится
На другом берегу.
Посвистывает птица —
Газеты не боится!

АНЕКДОТ

У черты
Цивилизации
Расцвели кусты
Акации.

У черты цивилизации
Представитель древней нации
Просит помощи
При помощи
Жестикуляции:
— Что мне это место,
Лопухи-репейники!
Эти люди просто
Казаки-разбойники!
Сара!
Посмотри, сколько мусора!
Вы видели такого агрессора?
Он говорит, что я — эксплуататор!..
Между тем
Из леса
Вылез
Экскаватор.
Сгреб
Ковшом
Кпоск.
Хлоп!
Торчат из пасти доски.

Ни киоска,
Ни Абрама,
Ни акаций —
Ни черта!
Прямо —
Серая черта.
Кинотеатры и дома,
Кинотеатры и дома.
— Постойте, вы сошли с ума!
Трах! —
И нет цивилизации.
Снова — заросли акации.

Природа — храм.
Из храма
Вышел Авраам:
— Сарра, посмотри, находка,
Это же как раз
Для нас...
Из земли торчит лебедка,
Проволока
И унитаз.

УТРЕННЯЯ ФИЛОСОФИЯ

Философ —
Теософ
Встает в шестом часу утра.
Поет на солнце, на воде
Мошкара.
В шесть часов
Теософ
Растворяется в природе.
Исчез...
Шумит зеленый лес!
И сотни
Солнечных
Полос
Его лужайки бороздят.
Козлы
Траву его едят.
Соорудив кривые козлы,
Два фавна
Режут поперек
Бревно.
Оно
Кричит от боли!
И зубы скалят
Два козла.
А мотыльки,
Жуки
И птицы —

Вся мошкара,
Как мишура,
В лучистом солнце шевелится...
И раздираемый на части
Лежит философ —
Теософ,
На припеке грея кости.
Сквозь дыры ветхого носка —
Нога
Чернее сапога.
Все — благо!
Истинный философ
Чужд
Семейных интересов.

НОЧЬ

На Тишинском рынке ночью —
Тишина.
В Замоскворечье —
Ни души.
И на площади Свердлова
У колонн —
Никого.
Иду к заводу Лихачева.
Ни Лихачева,
Ни завода —
Вода
И больше ничего.

Лишь собака лает где-то
Возле Университета.

БЛОХОМОР

В канаве выросли блины
Поядовитей белены —
Блохомор!
Самосвал
Забуксовал.
Заглох мотор.
Полез
Шофер —
И глядит из-под колес.
Прелью шибануло в нос!
От запаха цветов
Выворачивает наизнанку!
Готов!
Шофер полез на стенку:
— Открытие!
Событие
Всемирного масштаба!
Свезу-ка этих желтеньких,
Спасибо
Скажет баба. —
И наломал ботаник
Веник.
Едет парень с веником,
Веник пахнет пряником.
Принес в барак.
Тут поднялся шум и крик!
Люди пляшут и поют —

На работу не идут...
Так, отведав блохомора,
Две недели
Мы гуляли
На поминках у шофера.

Люди врут,
Что блохи мрут.

АУ-АУ

На стене детской больницы:
Андрюха — сын мой...
Мама, ау-ау! —
И нарисован
Человечек.
«Передачи
Больным детям
Принимаются...
Вторник,
Пятница...
Посторонним
Вход
Воспрещен».
Андрюха — сын мой,
Ау-ау!

ПОСЕЩЕНИЕ

Ночью
Собрались в амбаре.
Всякой твари
По паре.
Архангел протрубил в трубу!
И вот посередине —
В исковерканной автомашине —
Сидит Христос —
Очки на лбу.
Живой Иисус
Читает лекцию
О боге,
Ругает местные дороги,
Автоинспекцию,
Начальство
И налоги...
Вобщем, было решено,
Что на свете жить грешно.
Под знамена старой веры
Встали пенсионеры.
Запели на мотив «Катюши»
Псалм «Очищение души».
Глаза на лоб —
У Верки-дурочки!
Посередине —
На иконе —
Автомобильные очки!

В полутьме амбара
Засияла
Фара!
Толпа шарахнулась, заголосила...
Сказал, прощаясь, лектор
Виктор:
— Ждите страшного суда
Скоро,
Но вместо голода и мора
Сюда
Пришлю я прокурора!..
Автомобиль задрал
Нос,
Дал
Газ,
Петровну зацепил крылом,
Полез
В пролом.
— Христос, скорее! —
Кричали все.
И видел пьяный возле клуба,
Как бог
Летел
На колесе,
Возносясь
В ночное небо.

БЫК

Подслеповатый Цыферов
На площади пасет
Коров.
— Куда тебя несет,
Холява?
Под троллейбус попадешь! —
Улыбается корова.
Гена высунул язык.
Тут к нему подходит бык.
Этот бык миролюбиво
Предлагает выпить пива.
Зашли в соседнюю пивнушку.
Бык выпил кружку.
Окосел.
Стучит о стол
Своим хвостом
И требует долива
Пива.
— Ах ты, говорит, корова!
Подбоченилась торговка.
Появилась поллитровка.
Выпил бык —
С ног
Брык!
Лежит
В луже,
Лижет

Осколки
Бутылки.
А Цыферов,
Обняв быка за шею:
— Я, говорит, страдаю!
— Я, говорит, тебя сейчас забодаю!
— Мы, говорит, мы-ык!
И потрясенный бык
Рыдает,
И звезды падают,
И спутники
Летают,
И совещаются преступники.

БОРОВ

Сидоров
Решил зарезать борова.
Боров
При виде Сидорова
Все понял —
Закричал от страха.
Побежал,
Волоча по снегу брюхо.
Сидоров — за ним:
— Убью,
Мать твою!..
Боров
Припустился вдоль заборов.
Верещит отчаянно.
Удирая от хозяина,
Сало
Забежало
Во двор Егорова.
Сидоров и Егоров
Ловят борова.
Сидоров со свиньей
Разговаривает,
Держит нож за спиной,
Уговаривает:
— Мой хороший,
Мой родной...
Егоров по башке — поленом!

Хряк
Брык
В снег.
Сидоров прижал коленом
Брюхо,
В душу погрузил клинок,
Располосовал от уха до уха!
Вот как у нас!..
Кровь хлещет в таз.
И лежа в луже крови,
Похрюкивает боров.
Доволен другом Сидоров —
Помог ему Егоров.

Чудо!
В городке открылась
«Мебель и посуда».

ИВАН И ДИВАН

Иван
Купил диван-кровать,
Чтобы с женой вольготней спать.
У забора грузовик.
— Ничего, говорит, я привык.
Тут народ помог
Ивану,
Взвалил диван
Ему на спину.
Идет Иван.
На нем — диван.
Жара.
Гора.
Барак.
Река.
До села — рукой подать —
На тот берег.
А до моста —
Верста...
У воды
В песке — диван.
На нем — Иван.
Тут же водка и закуска.
Трясогузка
Цвирк —

И села на диван.
Брысь —
Прогнал ее Иван,
Перышко смахнул с обивки...
С откоса увидали девки:
Иван и диван
Переходят реку вброд.
Поплыл диван!
Бежит народ!
Спасен
Иван
Утонул диван.

— Без дивана нам не жить! —
Голосит жена Ивана.
Дома — голая стена.
Мужик
Напился самогона,
Начал песни распевать:
— Пропадай, диван-кровать!

ПАУК

Паук
Яков Петрович
Висел в углу уборной.
Человек
Яков Петрович,
Покакав,
Разразился речью бурной:
— Я человек!
Я представитель человечества!
А ты — паук.
Как ты смел присвоить имя-отчество?
— Я человек. —
Сказал паук. —
— Ах так!
Так значит, я — паук?!
Яков Петрович
Полез в паутину.
Яков Петрович
Вернулся в квартиру.
Представьте женщины испуг.
Жена глядит:
Сидит
Паук.
Молчит,
Надут,
Как Высший суд.
Звонок

Жужжит,
Паук
Бежит.
Взгляните,
Он в учреждении.
Висит в отдельном кабинете.
Натянулись нити.
Все пришло в движение.
Забегали секретари.
На прием
Пришли цари.
Дверь —
На крючок.
Царь
Садится на толчок.
А в углу — паучок
Яков Петрович.
Он говорит царю,
Заплакав:
— Я Вам клянусь, как рыцарю!
Я — не паук.
Я — человек.
Я Вам серьезно говорю!
Вот я,
Вот вы,
Вот кабинет.
А пауков
На свете нет.

СУД

Беседую, как с другом,
С богом.
Но верю лишь своим
Ногам.
Они несут меня, несут
На площадь —
На Великий Суд.
— Что случилось?
Кого собираются вешать?
Отвечайте же скорее!
— Говорят,
Казнят
Еврея.
Спрашиваю одного героя:
— Неужели всех
Врачей? —
(Смех.)
— Рабиновича?
Рабиновича.
— Абрамовича?
— Абрамовича.
— А Гуревича?
— И Гуревича
И Петрова Ивана Петровича...
Покосился этот тип.
Холодный пот
Меня прошиб.

— Ты сам, случайно,
Не сектант?
Товарищи,
Интеллигент! —
Тут окончилась война,
И началась такая бойня,
Что даже бог —
Мой лучший друг —
Никого не уберег.
У бога есть один дефект:
Его смущает интеллект.

В РЕСТОРАНЕ

Стол
Похож па белый стул.
Бокал
Похож на унитаз.
Мой нос
Похож на множество посов.
И на меня похож
Мой собеседник Носов.
А гладкие рожи
Похожи...
И губы соседки
Похожи...
Я пьян?
Нет, я в своем рассудке.
Сравнения бывают и похуже...
А ресторан
Похож на сон.
Пьяный гам
С джаз-оркестром пополам
Удивительно похож на шум.
Офицер
Похож на официанта,
Швейцар
Похож на лейтенанта.
Мы все похожи друг па друга:
Друг
Похож на врага,

Враг
Похож на друга.
Ненависть похожа на любовь,
Вино пролитое — на кровь.
И только нож
Похож
На нож.

Науму ОЛЕВУ

БУКЕТ

— Кто там?
— Это я. Привет.
Ноль пришел ко мне с букетом
Замороженных цыплят.
Меня смущают птицы,
У птиц такие лица!
— Одевайся поскорее,
Прошвырнемся по «Бродвею». —
Предлагая голый веник,
Говорит мой ученик.
Что ж, пошли —
Два еврея;
Я и Ноль,
Я и моя зубная боль,
Я и 88!
Любопытные глядят,
Что такое мы несем?
Букет?
Цыплят?!
Девушки, глядите:
Это —
Цыплята,
Размышляющие о конце света,
Цыплята
С грустными глазами,

Цыплята
С длинными носами,
Которые носили
Талес,
Которые плясали
Фрейлехс,
Которых убивали
В Гетто.
Цыплячьи детские скелеты...
Так и гуляем:
Я и Ноль,
Я и моя зубная боль,
Я — и красавец тунеядец
С останками нелепых птиц.

ПОЭТ И МУЗЫ

Собралась компания —
Литобъединение.
Поэт на стол залез,
Вокруг расселись
9 муз:
Кроме музы
Музыки —
Муза
Физики,
Муза
Математики,
Муза
Электроники,
Муза
Кибернетики,
Муза
Бионики,
Муза
Космической войны,
Муза
Общей тишины
И девушка по имени Муза.
— Стихотворение
«Завихрение».
Винт
Винтообразно
Ввинчивается...
Фса, Фсса, ффссса!

Музы: — Мало пафоса.
Поэт: — Продолжать дальше?
Музы: — Продолжайте. Больше
Фальши.
Поэт: — Винт завинчен доотказа.
Тормоза.
Рванул
Реваноль.
Боль!
Моя голова!
Не крутите слева направо!
Крац.
Крец.
Свинтил ее подлец!
Зараза!
Конец...
Девушка по имени Муза:
— Прекрасное стихотворение!
Поэт: — А ваше мнение?
— Вздо-о-ор!
Гласит античный хор.
Поэт превращается в белку,
Прыгает на книжную полку.
Говорит об ощущении,
О том,
Что современность — это фантом.
Музы выражают свое возмущение.
Поэт:
— Нет,
Никогда я не был дилетантом!

ВОПЛОЩЕНИЯ

На бульваре, как в лесу.
— Разрешите папиросу.
— Ты что, с помойки?
— Не смотри, что в рваной майке.
Бригадир.
Со стройки.
Что ты зенками ворочаешь?
Ведь и ты — своя, рабочая...
— Смотри, свояк нашелся!
— Кум!
— Знаем вас. Давно знаком...
— Вот и познакомились!
— В ресторан зови куму.
— Что?.. Не пойму...
— Угостить, говорю, надо.
— Погоди... Ты откуда?
— Брось, опять связалась с нищим.
От него разит винищем.
— Каждый вечер ходим, ищем...
Гляди, пошел
Провинциал.
— Вы армянин
Или цыган?
— Я — пирог.
Несу творог.
— Ах, какой вы смуглый, сладкий!
Все клевала б да клевала.

Я курица.
Была чахоткой
И в чьем-то горле проживала.
Кашляла
Отчаянно,
Пережила
Хозяина.
— Не помрешь — не проживешь.
Даже вошь —
Моя знакомая, и та —
Полуодетая —
По целым дням в постели.
«Все, говорит, суета».
Сигаретою бы что ли угостили!
— Да, везет им,
Паразитам.
Кем я только не рождался,
Все трудился.
Убедился:
Суть одна.
Зря наводишь камуфляж —
Виден хвост и фюзеляж,
Из-под юбки трикотаж!

Так разговаривали твари
Ночью на Цветном бульваре.

СОН НАЯВУ

Из конверта
Лезет морда
Леопарда.
На окне — решетка!
Некуда податься!
Может, это — чья-то шутка?
Только не пугаться,
Только не пугаться,
Сохранять равновесие
Духа.
Поэзия,
Спаси меня от страха!
Умирая от мигрени,
Я
Написал стихотворение.
Ну и что ж?
Куда уйдешь
С листком тетрадки?
Предъявите
Документы!
Предъявляю.
Все в порядке.
Прохожу в аппартаменты.
Это же — бомбоубежище!
Мне навстречу поднимается
Вежливейший служащий.
Лицо — печать!

Не отличить
От прочих лиц.
А на столе — невинный
Лист,
Из-под листа — крысиный
Хвост!

СОЛДАТЫ И РУСАЛКИ

Старшина привел солдат
На пруд.
С другого берега орут:
— Ог-го-го! Плывите к нам! —
Это девки из поселка.
— Старшина, мы — ненадолго. —
Отлучились за вином...
На лугу — гуляние,
А в лесу — свидание.
Кусты трещат.
Трусы трещат.
Солдат Марусю тащит
В чащу.
Везде — разбросанные вещи.
И порожняя посуда.
Свобода! Свобода!
Ефрейтор и Лида
Притихли в траве.
Он ее не выпускает,
И она его ласкает
По арбузной голове
Заскорузлою рукой.
Вдруг нарушил их покой
Крик:
— По команде становись! —
Выбегают из кустов бузины,
Лезут из воды,

Второпях
Надевают штаны,
Строятся в ряды.
В кустах
Ликует плач и смех...
Идут. Пылят. Поют в поселке.
Портянки плавают в пруду.
Очевидно, все русалки
Забеременеют в этом году.

СОЛДАТЫ НА ОТДЫХЕ

Так называется картина
Художника Иогансона.

В музее пусто. Вечереет.
«Солдаты на отдыхе»
Величаво реют
В воздухе.
Тонким золотом отсвечивает пруд.
Из другой стены орут:
— Эй, ребята!
— Плывите сюда!
Это девичья бригада.
Скалит зубы рядовой.
Каждый волос, как живой!
И — пупырышками кожа
На фоне летнего пейзажа.
Сегодня в подмосковном парке
Культурное мероприятие.
Ткачихи с предприятия,
Доярки,
Пионеры,
Шахтеры
И пенсионеры
Плечом к плечу
Идут навстречу

Солнечным лучам.
Идут,
Идут.
Трубят!
Поют!
И уходят в плакат
На закат.
Остаются одни
Солдаты —
Живые анекдоты
В золоченой раме,
В опустелом доме.
Они беззвучно
Зубы скалят.
Им не скучно.
Зубоскалят.
Тишина...
Гаснет люстра.
На поляне
У потухшего костра
Нет солдат...
Залы спят...

КИНОСЕАНС

В церкви выключили свет.
Люди ждут,
А света нет.
Зашумели зрители:
— Мы любви не видели!
— Сапожники!
— Тише вы, безбожники!
Безбожники внесли икону.
Осветила половину
Дома.
Сразу стало меньше шума.
Тут со сцены говорят:
— Прослушайте доклад
На антирелигиозную тему.
— Я раньше был
Священником,
Стал
Киномехаником.
Все, граждане, один
Обман...
Длинный свист.
Вскочили с мест:
— Врешь, картина
Без обмана!
— Тащи его за хвост
С экрана!
— Лови!

— Хватай его за холку!
Директор клуба втихомолку
Схватил жену киномеханика.
Она молчала, словно рыба.
В будке киномеханика
Хохотала Танька...
В общем, была паника!
В это время дали свет.
Стало ясно:
Бога нет.

БОГ

В густой траве валюсь я,
Наслаждаюсь жизнью, как свинья.
Я
На собственном носу
Созерцаю муравья.
Ой, не вынесу
Щекотки!
Тело мне щекочут ветки.
Где кончаются ветки —
Начинаются пятки,
Где кончаются пятки —
Начинается голова.
А кругом растет трава.
И в траве валяюсь я,
Наслаждаясь, как свинья.
Одной
Ноздрей
Обоняя ромашку,
Другой
Ступней
Почесывая ляжку,
Я размышляю о Боге.
Я вытягиваю ноги
Я теряюсь
В отдалении...
В размышлении —
Небо, облака,

Река.
Я —
Не больше муравья.
Букашка лезет на былинку.
Ветром сдуло паутинку.
Пушинка заползла в ноздрю.
Ноздря сказала сочно: хрю!
И в траве валяюсь я,
Наслаждаясь, как свинья.

БУНТ

Живу, дышу. Чему я рад? —
Материализованная
Нелепость,
Систематизированная
Глупость,
Отлично налаженный
Агрегат...
В кабинете дремлет Бог.
Из трубки —
Дымок.
Предусмотрены ошибки.
Гитлер выкинул коленце!
Ученые,
Работают, как заключенные!
Равнодушно смотрит Солнце.
Народ,
— Спасибо, говорит,
Виновники! —
Любовники,
Не переводя дыхания,
На последнем издыхании
Хотят уплыть
И раствориться...
Но это — плоть,
Как говорится.
Если бы я только мог!
Бунт предусматривает Бог.

МОСКОВСКИЕ МИФЫ
1970—1974

ПАРАД ИДИОТОВ

Иду. А навстречу
Идут идиоты
Идиот бородатый
Идиот безбородый
Идиот ноздреватый
Идиот большеротый
Идиот угловатый
Идиот головатый
Идиот — из ушей пучки ваты

Идет идиот веселый
Идет идиот тяжелый
Идет идиот симпатичный
Идет идиот аппатичный
Идет идиот нормальный
Идет идиот нахальный
Идет идиот гениальный
Идет идиот эпохальный

Одни идиоты прилично одеты
Другие похуже — небриты помяты
Одни завернулись по-римски в газеты
Другие — в свои чертежи и расчеты
Иные свой стыд прикрывают зарплатой
Иные ученостью эти — работой

Большие задачи

Несут идиоты
Машины и дачи
Несут идиоты
Идет идиот чуть не плача
«Несу я одни неудачи
Жена — истеричка
Начальник — дебил
И я — неврастеник
Себя загубил»

Идут идиоты — несут комбинаты
Заводы научные институты
Какие-то колбы колеса ракеты
Какие-то книги скульптуры этюды
Несут фотографии мертвой планеты
И вовсе невиданные предметы

Идут идиоты идут идиоты
Вот двое из них избивают кого-то
А двое других украшают кого-то
Какого-то карлика и идиота

Идиоты честные
Как лопаты
Идиоты ясные
Как плакаты
Идиоты хорошие в общем ребята
Да только идти среди них жутковато
Идиотские песни поют идиоты
Идиотские мысли твердят идиоты

И не знают и знать не хотят идиоты
Что однажды придумали их идиоты

Идут работяги идут дипломаты
Идут коллективы активы и роты
И вдоль бесконечной кирпичной ограды
Идут идиоты идут идиоты
Играет оркестр «Марш идиотов»
Идут — и конца нет параду уродов
И кажешься сам среди них идиотом
Затянутым общим круговоротом
А может быть это нормально? Природа?
И есть и движенье и цель и свобода?
Недаром же лезли на ствол пулемета
Как листья осенние гибли без счета...

Так пусть же умру за мечту идиота
С блаженной улыбкою идиота

МОСКОВСКИЕ МИФЫ

Мамлеев с Машей в Вене или в Риме
Сиамский кот повсюду ездит с ними
Мелькают километры города —
И у Мамлеева усы и борода
Мамлеева избрали кардиналом
И кардинальша Маша ходит в алом
Но мрачный точно тысяча волков
Их ждет в Нью-Йорке Генрих Худяков

Он перевел Шекспира на английский
Он в каждом баре хлещет джин и виски
«Ли быть иль нет! не быть!» В трусах и в майке
Бежит от предприимчивой хозяйки
А грустный Бахчинян как армянин
Открыл универсальный магазин

Там Купермана книга продается
Названье книги МАТЬ ТВОЮ ЕДРИТ!
А по Гарлему ходит хиппи Бродский
И негритянок ласковых кадрит
В своем коттедже рыжий и красивый
Он их берет тоскуя по России

Лимонов! Где Лимонов? Что Лимонов?
Лимонов-обладатель миллионов
Лимонов партизанит где-то в Чили
Лимонова давно разоблачили

Лимонов брюки шьет на самом деле
Лимонов крутит фильм в Венесуэле
Лимонова и даром не берут
Лимонов — президент ЮНАЙТЕД ФРУТ

И так же изменяется мгновенно
Его жена прекрасная Елена
Оставила Лимонова Елена
И вышла говорят за манекена
Попала в лапы гангстеров Елена
Перестреляла — вырвалась из плена
Там где Елена — кружева и пена
Блеск доллары и страсти непременно

Ах мы в Москве стареем и скучаем
Пьем водку и беседуем за чаем
И мысли за столом у нас простые
И стулья за столом у нас пустые
Ау! друзья-знакомые! Ау!
Не забывайте матушку-Москву

УМИРАЮЩИЙ АДОНИС

Я — Адонис
Я хромаю и кровь течет из бедра
Я корчусь — червяк на ладони
Не отворачивайся Природа будь добра
Я — сын твой Адонис

Меня погубила дура из бара
Обступили какие-то хмуро и серо
Я падаю — мне не дожить до утра
Мне дурно

Вот приближается рокот мотора
Меня освещает белая фара
— Как твое имя парень?
— Адонис
«Адонис? Латыш наверно или эстопец»

Я — Адонис
Я совсем из другого мира
Там апельсины роняет Флора
Там ожидает меня Венера
И о несчастье узнает скоро
Дикие вепри
Бродят на Кипре...

— Ах ты бедняжка!
«Понял! он — итальяшка»

Я — Адонис!
Я чужой этим улицам и магазинам
Я чужой этим людям и трезвым и пьяным
Поездам телевизорам телефонам
Сигаретам газетам рассветам туманам

«Нет
Скорей
Это
Еврей»

Я — Адонис
Я сквозь дебри за вепрем бежал и дрожал
Меня ветки за пятки хватали пытали
Меня били! любили! хотели! потели!
Я любезен богине Венере
Я не здесь! Я не ваш! Я не верю!

— Сумасшедший ясно
— Но откуда он?
— Неизвестно

Я — Адонис

ГЛАВТИТАН

Сизиф толкал вагоны в гору
Атлант держал свою контору
Когда он подводил плечами
Машинки яростней стучали
Гул проходил по коридору

У Прометея ныла печень
Он был болезнью озабочен
Не радовали даже ляжки
Слоноподобной дуры Нюшки

Шурупы мучили Тантала
Ему шурупов не хватало
Он нервничал — и снились трупы
В зубах зажавшие шурупы

Так жили мрачные титаны
Катились под гору вагоны
По коридорам шлялись люди
Шурупов не было на складе
Не вспоминалось даже детство
И было некуда податься

Атланта стукнула кондрашка
Тантала увезли в дур-дом
А Прометея — неотложка —
Ушла к другому дура Нюшка

И лишь Сизиф свои вагоны
Толкал и двигал на подъем!

ЗЕВС ВО ГНЕВЕ

За столиком расположив
Свое вместительное тело
Пил в ресторане у вокзала
Античная мускулатура
Костюм буграми распирала
Официантка подавала
И Зевс глядел на это хмуро

Спдел сидел — и вдруг из головы
Родил сердитую Афину
Я видел страшную картину
Как развернулся этот боров
Как бил он всех: милиционеров
Официантов и швейцаров
И доброхотов всех размеров
Он так работал кулаками
Как будто молнии сверкали...
Военный прислонился к стенке
Официант — лицо в солянке
Милиционер ползет в сторонку
Швейцар схватился за мошонку...
Какой-то пьяный мужичонка
Икал и ойкал от восторга
А местная пьянчужка Шурка
Кричала: — Глянь-ка глянь-ка Ирка!
Глядели все: котлеты куры
Глядели с потолка амуры

Со стен цветы и помидоры
Портреты надписи узоры...
От жара тучен и багров
Следил за битвой повар-шеф
— Ну кто еще? — спросил Юпитер
— Не горячись постой приятель —
О фартук руку повар вытер
И в зале будто свистнул ветер...

И только брови сдвинул Брежнев *
Что громовержец был повержен
Ведь был он бог и древний грек —
Простой советский человек.

---

* Вполне невинны строки
Здесь речь конечно о портрете

ДИОНИС

Накануне праздника Сбора Картофеля
На главной улице Города
Привлекая всеобщее внимание
Появился смуглый юноша
В венке из виноградных листьев
Мальчишки бегут глядеть. Женщины
Становятся на цыпочки. Кто-то
Выронил верток. Резко
Тормозит голубой автобус
— Смотрите смотрите! артисты
И верно — по улице имени
Великого Основателя
Двигается процессия
Вида непристойного и дикого
Ухмыляются рогатые бородатые
Щеки и носы раскрашены свеклой
Груди и зады едва прикрыты
Беспокойно — что они изображают?
И зачем их так ужасно гримируют?
Там какие-то растерзанные бабы
На осле везут лысого пьянчужку
И выплясывают и вопят в небо
Алое от флагов и полотнищ
— Эвоэ! Эвоэ!
Что-то в Городе заметно изменилось
Люди побежали в магазины

И как будто грянули с двух сторон вразнобой
Духовые оркестры

У прилавка винного отдела
Напирают — чуть не дымятся
За стеклом — две продавщицы
Тычут им серебро и бумажки
А они в ответ суют бутылки

Без конца — серебро и бумажки
Без конца — зеленые бутылки
Что за суетливая спешка?
Что за непонятная жажда?
Будто весь многовековый Город
С парками вокзалами домами
С памятниками в бронзе и камне
Разом в этот день решил напиться

А на площади имени Поэта
В свое время
Сочинившего Оду Государству
Уже — драка

Развернулась как на экране
(кадр)
Кто-то гонится за кем-то через площадь
(кадр)
Двое лупят парня в кожаной куртке
(кадр)
Лицо зашедшееся в крике
(кадр)

Человек в разорванном костюме
Шарит очки на асфальте
(кадр)
Один обливается кровью
А другой его поспешно уводит
(кадр)
Башмак давит очки с хрустом...
Завывает желтая машина
И мигает синей вертушкой
И за всем за этим наблюдает
Юноша с античной улыбкой

И повсюду где он проходит
С козлоногой и блаженной свитой
Водка льется в праздные глотки
Красное вино течет по лицам

Песни крики драки поцелуи
И творится что-то неприличное
Явно непредусмотренное
Правительственной Комиссией
По организации Праздника

Впрочем кто-то там распорядился...
Но плющем опутало машины
И в руках блюстителя порядка
Превратились дубинки в тирсы
Автоматы — в толстые бутылки
И стреляют пробками и пеной
Лопаются звезды фейерверка!

А на площади имени Поэта
В свое время
Оказавшего услугу Государству —
Синий дым прожекторов
Топчется и двигается площадь

Люди наслаждаются свободой
Инженер танцует с наядой
Плосконосый сатир — с иностранкой
А военный танцует с вакханкой
Продавщица осла обнимает
Ее в танце осел понимает
А студентка на фавне повисла
Ах как много в движениях смысла
С пимфой топчется пьяный рабочий
Нимфа пьяного дядю щекочет
Ее ловит взъерошенный дядя
И хватает другую не глядя
И танцуют какие-то твари
И хохочут какие-то хари
И кричит Калибан с Магадана
Вскидывая нелепые ноги
— Свобода! Свобода! Свобода!
Девочки из ресторана
Обнимают и уводят лысого Силена

С фасада соседнего дома
Памятным лицом пятиметровым
Смотрит Основатель Государства

А у памятника Поэту
Улеглась огромная кошка
Поблескивая лунными зрачками

И танцуют люди и птицы
Лилипуты крысы и мокрицы!

Но безумье и ночь на исходе
Прочь уходит длинная пантера
А за нею — фавны и менады

Опустела площадь
На дощатой эстраде
Пианист уснул за пианино
Барабанщик спит на барабане
Пьяный музыкант
Вливает в медное горло
Своей тубы
Уж не помнит которую бутылку
— Пей приятель!
Лишь один еще стоит качаясь
Дергает струну на контрабасе
И струна гудит в пустое небо
— Д И О Н И С!
— Д И О Н И С!

ИЗ КАТУЛЛА

С яблоком голубем розами ждал я вчера Афродиту
Пьяная Нинка и чех с польскою водкой пришли

НА ПОКУПКУ КНИГ

Сумерки. Март. Люди — по магазинам
Я — в магазин где продаются книги
Вдруг достают из-под прилавка —
О нищета и богатство духа!

Так приобрел Шиллера и Шекспира
В издании Брокгауза и Ефрона
Мерцают золотым обрезом
Ну же! досыта ешь книгоешка

СВИРЕПАЯ

1

Начало было довольно невинно
Над городом появились
Крылатые мальчуганы
Болтают в воздухе пятками
Строят потешные рожицы
И внезапно нацелясь
Пикируют на прохожих
Забираются под рубашки под платья
Щекочутся и хихикают

С балкона подросток
Пускает высокий фонтан

Красавица рукой зажавши юбку
Спасается в подъезд

В недоумении толстяк
Младенца держит на руках

Пока раскачивались городские власти
И нашлись добровольцы
Испарились мушиные хулиганы
И о них моментально забыли
Как забывают обо всем что выходит за

И только у двух влюбленных
Сердца забились чаще
И столик придвинув к постели
Решили они не вставать

2

На следующее утро
Все было гораздо серьезней
Появились голые женщины
Пахнущие сандалом и мускусом
Попадались и китаянки
Прикрывающие лицо веером

Вот выходит человек из дома
На уме ничего такого кроме ясного утра
И вдруг — померещилось что ли? —
Наплывают ночные ароматы
И — навстречу голая как яйцо
На цепочке ведет пантеру
Лишь на щиколотках позвякивают браслеты

Или в автобусе
Вдруг почувствует живое интимное
К пиджаку прижалась белая грудь
И в жар его бросает и в холод

Видели их или не видели
Но были свидетели

И замешательство
Появилась милиция и дружинники
Но голых не обнаружили
Закрыли бани и тем ограничились

И только двое задернув плотней
занавеску
Предались всем видам любви
Которые изобрели в древности
О которых прочли
И которые придумали сами

3

И вот на третье утро
Изнутри ударило в двери
Городского музея
Двери соскочили с петель
И вывалилась на площадь
Разгневанная Кибелла
Зашибив по дороге
Двух-трех пенсионеров
И в лепешку смяв дежурную машину
Каким-то образом вскоре
Очутилась на студии телецентра
И такая там всегда неразбериха
— Статую поставьте поближе
Режиссер махнул рукой: начинайте!

— Слепые кролики — сказала богиня
— Вы только знаете что размножаться
А потом всю жизнь прикованы к тачке
Где вопящий младенец
Ни амуры ни мои гетеры
Не зажгли вас не расшевелили
Не помчались вы скинув одежды
Вдоль по улицам вереницей
О наездник верхом на подруге!
О полет причудливо сплетенных!
Нет свои божественные члены
Обнажаете вы только в туалете
Или почью — в темноте — украдкой...
Я б могла наказать вас лихорадкой
Чтоб все женщины стали нимфоманки
А мужчины — сексуальные маньяки
Но себя вы хуже наказали
Всею вашей размеренной прозой
Телеманией вещами санузлами
Бездуховным в мерзости соитием!..
Тут экраны исказились замигали
И сказали: по техническим причинам...

То-то был переполох в телецентре
Впрочем
Многие зрители решили:
Показывали что-то из Эсхила

Двое юных влюбленных
Сбросив простыни и одеяло

Голова ее — на его предплечьи
И лицо его — в волосах ее летящих
Спали
Телевизор был выключен

МРАМОР

Наполовину отбитая левая грудь
Афину Палладу
Целовали туда
Длинноволосые девушки —
Сколок изнутри розовел просвечивая
Афродиту зрелые женщины —
Безрукую обнимали сзади
Казалось богиня ласкает сама себя
Эти полные руки скользящие
По мраморному животу!
Эти круглых четыре колена!
Этот сдвоенный круп!
А та что всегда бежит прекрасным безносым
лицом
Диана приманивала девчонок
В лунном свете ее волос
Скользили безмолвные псы
И подростки — лунатики шли
Опустив безвольные плечи
Протянув безвольные кисти

О богини! Я ваших возлюбленных знаю
Они любят нравиться и мужчинам
Но я отличать их умею
Они спокойно снимают платье
Они ложаться — пожалуйста возьми меня —
Вдруг открывают веки
Остывают каменеют

Глупый мальчик ты обманулся
Эта девушка не невинна
Эта женщина не фригидна

Их любили
Богини

ТРЕТИЙ РИМ

Вокруг Москвы белеют корпуса —
Инопланетные становища
И бродит в парке ЦДСА
Зеленомордое чудовище

Стоит киоск у Сретенских ворот
Толкует возле выпивший народ
Интеллигентных несколько бород
И подняла головку саламандра
В углу где подозрительные пятна
Как этот город вся невероятна

На Выставку приезжий из Рязани
Глядит осоловелыми глазами
Широкотазы полновесногруды
Чиновные экстазы и причуды
Колонны завитки порталы шпили —
Быка с мудями тоже вылепили!

За окружной сверкают чудеса —
Инопланетные становища
И воет в парке ЦДСА
Широкоротое чудовище

МОЛОХ

(читать нараспев протяжно и важно)

Волох и Вулох и шизики все и подонки!
Юра Мамлеев — брюхатое божество!
Лорик и Шурик и все его дочки —
Бледные девочки — темные почки
Вы поклонитесь слоновьим копытам его!
Фикус зеленым пером осеняет его

Возле пивной толковище и зной
Сколько мужчин возжелавших общенья и пива!
Сколько мужчин избегающих женщин и секса!
И между них добродушный и сальный —
Сверх — эротический! вне — сексуальный!
И воют собаки обнюхавши желтые ссаки!
Вы поклонитесь слоновьим копытам его!

Волох и Вулох — и все эти пресные черти
До смерти сами себе надоевшие! Будда
Мамлеев с портфелем пришел ниоткуда
И у помойки для них сотворил это пошлое чудо —
Кошек и мух голубей и московское лето
Свадьба горланит за окнами где-то —
Пиво и трусики! гроб и газета!
И да поклонятся брюху и лапам его!

Козлобородый Фридынский примчался вприпрыжку
Наболтал начадил — и другой уже вертится бес...
Вежливо к ним проявляя ко всем интерес

Тискает гладит и щиплет трехцветную кошку...
И красногубый Дудинский и громогласный
Трипольский
И головастик Бакштейн (впрочем он в Израиле
давно)
Весь этот русский еврейский татарский и польский
Дух поклоняется духу и брюху его!

Волох и Вулох ползут в переулок
Лорик и Шурик впорхнули во дворик
Тупо глядит алкоголик по имени Гарик
Пиво и трусики! гроб и газета!
В это — вне времени — душное лето
Падаль астрал и абстракцию склеив
Просто вас выдумал душка Мамлеев!
Да поклонюсь многодумному заду его!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИТАКУ

(БАЛЛАДА ОБ ОДНОМ МОЕМ ЗНАКОМОМ)

На степе висят часы не старинные но все же
Покачнулся корабельный медный шар под потолком
На каюту и часы моя комната похожа
На минуту и весы — что сказать что сказать
Под тахтой улегся пес — но что сказать неизвестно

У кого-то есть жена и в кого-то влюблена
У кого-то есть душа — что сказать неизвестно
В нашем доме тишина — бьют тарелки — тишина
Эта белая махровая — что сказать что сказать
Эта женщина суровая — что сказать что сказать
Говорят она больна — но что сказать неизвестно

Я не знаю что сказать что сказать что сказать
Я не знаю что сказать — что сказать неизвестно
У чужих все чужое — что сказать что сказать
У чужих все чужое и у каждого свое
Я вернулся из Варшавы и не знаю что сказать

И почти помимо воли! — я не знаю что сказать
Подчиняются слова но что сказать неизвестно
Разве то что в Кракове каждый час на ратуше
Плачет маленький трубач из средневековья
А на площади туристы — что сказать что сказать
Как на святочной открытке — что сказать что сказать
Плачет маленький трубач — но что сказать неизвестно

И тогда ее он бросил — что сказать что сказать
Снял отдельную квартиру и туда заглядывали
Клены и акации женщины и девушки
Пела в клетке канарейка — плакал маленький трубач
Пили водку и вино — веселились так сказать
Дамы вскидывали ноги задевая потолок
Беспокоили соседей — и не знаю что сказать

Разве то что Карлова улица
По-над Вислой штопором кружится
И однажды на рассвете
После дружеской попойки
Ноги непослушные двигая
Вверх по этой пьяной чертовой улице
Говорил поэт Галчипский — что сказать что сказать
Говорил поэт Галчинский своему приятелю
— Посмотри заря над Вислой —
Вкус божественный чуть кислый...
Щ-Щас мы выпьем это солнце!
И закусим этой чертовой улицей...

Хорошо бы выпить солнце — на стене висят часы
У кого-то есть жена — ноги кверху вскидывали
А на площади туристы — плачет маленький трубач
Говорил поэт Галчинский — и не знаю что сказать
Говорили говорили — не сказали ничего
Есть у каждого свое что сказать что сказать
В этом высшее блаженство и свобода и любовь
И клены и маленький трубач

— Хороший диван, — по-хозяйски похлопала она белой ручкой по зеленой обивке нового дивана:
— Хороший...

(Из воспоминаний)

ЭПИТАФИЯ СВОЕМУ ДИВАНУ

Гроб — скрип — рыдван — скрип
Дорогой Диван — скрип — рыдваныч
Спи спокойно старый скрип

Ящер в полоску — скрип
Грузовик на ножках — скрип
Переехал стольких женщин — скрип скрип
Вдоль и поперек — скрип скрип
Стал трехногим инвалидом — скрип
Развалился сам — скрип скрип...
Под пружины подложили — скрип
Словарь Даля — скрип
Романы Томаса Манна — скрип
И поехали далее — скрип скрип скрип
Спорили — скрип — об искусстве — скрип
Рассуждали — скрип — о чувстве — скрип
Начальство — скрип — ругали — скрип
Ходили — скрип — ногами — скрип
Зады — скрип — колени — скрип
Локти — скрип — спины — скрип
Под окном — скрип — снег — машины — скрип
В голове — скрип — пружины — скрип

Старый скучный русский скрип
Скрип — скрип — скрип

ГОЛОВА СКАЗОЧНИКА

Вот голова Камилла Демулена
Бормочет нежные слова
Вот голова как маска льва
Свирепые черты Дантона

Вот Цыферова голова
Трясет соломенной бородкой
И распускает губы как бутон:
— Любил я в жизни сей короткой
Вас Робеспьер Марат Дантон —
Само звучание имен

— И вашу голову Людовик
Я целовал в глаза и лобик

Марина помнишь это лето
Марина ах! — Антуанетта
Была любовь... Была Москва...
В подушках чья-то голова
Я в руки брал ее — и это
Была она — Антуанетта

И вашу голову Дантон
Я видел в Химках под мостом
И вашу голову Камилл
Я видел в Болшево под дубом

Болела под осенним небом
Дождь листья на нее лепил
А пляска алых колпаков —
Так листья в парке закружило!
Я был нелеп и бестолков
Но сердце видело и жило

И вот новинка — гильотинка
Над сердцем нож ее навис
И падает сползает Генка
В колени в кружева маркиз —
По лестнице ногами вниз

Я — сказочника голова
И может быть чего-то стою
Хоть золотистою пыльцою
Цветов и бабочек полна

Любили же в конце концов
Чужие жены чьи-то дети
Мое бугристое лицо
Куприно-чеховского дяди

Ах, все во мне перемешалось
Россия... Франция... века...
Маркизы... бабы... боль и жалость...
И бабочки... и облака...

ЖИТИЯ
1970—1974

I

КНЯЗЮ ИВАНУ ХВОРОСТИНИНУ — ВИРШИ

Княже Иван Хворостинин
Край наш велик и пустынен
Прими мои вирши
Хоть твои вирши старше
Но мои — горше

Иван Хворостинин княже!
На земле московской все то же —
«Сеют землю рожью
А живут ложью»
«Глупостью мир удивляют
А помыслить о том не желают»

Первый русский виршеслагатель
Подкузьмил тебя Кузьма — приятель
Схватили тебя княже ярыжки
Понеже писах супротивные книжки
И что в вере нетверд уже знали понаслышке
Лаяли тебя дьяки — собаки
Плевались попы и монахи
Казали тебе сраные сраки
И паки и паки и паки...

И решили шиши и ярыги
— Сослать в монастырь навеки
— Не давать ему в руки книги
— Дабы не чтением не писанием
Аже и помышлением!

Иван Хворостинин княже!
Как пахнет телячья кожа!
Как бумага плотна и шершава!
Поругание князю — и слава!

«И исполнилось все
Духа Святого...»
(Деяния Апостолов
гл. 2, стих 4)

II

СКЛАДЕНЬ

1. ВИРШИ О МОНАХЕ ГЕРМАНЕ — КЕЛЕЙНИКЕ ПАТРИАРХА НИКОНА

При тишайшем Алексей Михалыче
Тихо на Руси — не как бывалоча

Из патриарших келейников
Лицом как юный Алейников
Рисовал цветную заставку
Буквицу и райскую травку

И пока на бумаге сохла
Киноварь лазурь да охра
Пришли на ум слова приятные
Бисер светлый дева
благодатная

Легкий детский волос клонится дыша
И бормочет Герман — девичья душа —
— Радуйся благодатная
Ангел царю дарованная

А в оконце выбеленной кельи
Слышно ему школьное веселье
На снегу рассыпались галки —
Послушники играют в салки

Даве говорил ему Никон
— Ты из головы это выкинь
Не возжайся с этой молодежью
Ведай одну кротость — правду Божью

Ну а сам-то не кроткий не кроткий
Чьи глаза горят из-за решетки?
Заросли расстриги волчьей шерстью
Лаялись творили двоеперстие!

Ни татары ни поляки ни войны —
Все равно на Руси неспокойно
Не спасет ли нас многократное
Радуйся дева благодатная

И монах кропает акростих
Ухватив синицу за хвостик
Сверху вниз
РАДУЙСЯ БЛАГОДАТНАЯ
Снизу вверх
РАДУЙСЯ БЛАГОДАТНАЯ
И еще раз — по диагонали
Чтобы силы Божьи увидали

И когда слова все явились
Волосы на голове зашевелились
Со страниц подуло непонятное
РАДУЙСЯ БЛАГОДАТНАЯ

И пришло! И пало благодатью
На монаха Германа на честную братию!
И на всех на нас с полей России
Сквозь оконце бьют лучи косые!

О Жена Облаченная в Солнце
Все погибнем или все спасемся?

2. ВИРШИ О ПЕТРЕ БУСЛАЕВЕ, ПРОТОДИАКОНЕ УСПЕНСКОГО СОБОРА

Петр Буслаев — протодиакон темный
Но по детской своей вере — человечище огромный
Служили панихиду в Успенском соборе
По Марии Строгановой — общее горе
Петр Буслаев диакон
Был величав и заплакан
Но когда дошел до «вечной памяти»
Стал ты весь как не здесь — как без памяти
Ты имел умозрительство душевное
Храм наполнило воинство волшебное
Восходили ввысь и сходили с купола
На богатова на темнова на глупова
Херувимами серафимами

Лицами белея нестерпимыми
Как мечами обоюдоострыми
Над детьми над братьями над сестрами
И видали — и боялись проснуться
И тянулись их сандалий коснуться...
Чистый хор всплеснул голосами —
Изогнулись пламена — заплясали
Словно многоцветными крылами
Пламенные лица прикрывали
И тогда из недр своей веры
Ты извлек т а к о е без меры
Что — теперь как и во время о п о
Что трубило у стен Иерихона!...
Разом сдунуло свет — все погасло
И стояла мгла в соборе как масло
Лишь светила свечечка копеечная
На икону — на лице Ея вечное

3. ВИРШИ О СИЛЬВЕСТРЕ МЕДВЕДЕВЕ, ДУХОВНИКЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Эрудит и филосóф и на лире тщится
Не дано было тебе к духу приобщиться
Бесом лез в политес-и во все такое
Сладко пахнущий монах — в софьины покои
Черным вороном блестела в переходах борода
О! царевна философии казалась нечужда
Говорила по-латыни и по-гречески...

А кругом уже решили: ворожили ворожили
Вынимали след человеческий
Дескать Софья на свече
Ж Г Л А
Курчавый темный волос
И рука в перстнях и кольцах
Синим холодом кололась

Петр катит на свинье по Москве-столице
И дано было тебе к мукам приобщиться
Треуголка на столе клещи горы и дыба
И забилось тело белое как рыба
— Отпусти меня земля мать-кормилица!
— Н Е Т! —
Зеленое сукно и чернильница
Вздернули и растянули — ребра ходят жарко
Ох взлетел ты высоко — выше патриарха!
Кто-то воет и визжит — уберите кошку!..
Снизу красное лицо плющится в лепешку...
Унесите это тело — легче будет голове...
Вдруг увидел будто ползает младенец в мураве
Нет ни мамки нет ни няньки — пет на нем
одежки
Улыбаются чему-то розовые ножки
Будто ты всю жизнь дремал а теперь проснулся
И чего пе понимал к тому прикоснулся —
Эрудит и филосо́ф и пиит изрядный
Оказался сей же миг в купели прохладной
Вынимали тебя девы из купели
Завернули в простыни — и несли и пели...

Дьяк почесывался — вошь ела помаленьку
— Вора и еретика Медведева Сеньку
На Красной площади супротив Спасских ворот
Смертию казнить — голову отсечь!

III

КАРАСЕВ

В 10 часов Карасев
Вышел из ресторана
Ночь принимая вид бурана
Валила с пог в снег

Кремль? — ничего похожего
Вокруг дымилась Арктика
Умолял прохожего
Смахнуть со спины чертика

11 часов — Карасев
В Александровском саду искал невесту
12 часов — Карасев
Полз по Крымскому мосту
Прячась от пуль
И мешая движению...
В таком положении
Его подобрал милицейский патруль
Заткнули пасть

Утром в шесть
Дежурный
Прошел к уборной
Умылся и вернулся на свое место
По-бабьи подоткнув подол

Проститутка мыла пол
— Подать сюда прохвоста
Который с Крымского моста!
Дверь камеры
Приотворилась
А там черт знает что творилось
В маразме
Плавали миазмы
Храпели странные миры
И шевелилось нечто вроде протоплазмы

Иерихонская труба
Воззвала
— К А Р А С Е В А!
Вышла рыба
Глаза невинные как небо
И в каждом грустный грешник нарисован

— Ну что с тобою делать Карасев?
— Пожалуйста возьмите штраф —
С похмелья
Милицию раскалывало болью
— Ну парень наломал ты дров —
Посмеивались окружающие
Пал на колени Карасев
На полу снежинки тающие...
— Слушает дежурный 13-го отделения
Высылаем наряд...
— Катись отсюда говорят
Пока не намотали срок...

Не помнит как
Выкатился на порог
И живо —
К палатке ПИВО!

А там уже томился длинный хвост
Опухших рыл
И ангел среди снежных звезд
Парил

ЖРИЦА КУЛЬТА

Дремлют дачники московские
Кира, я и Брусиловские
Парни с лыжами прошли
По вагонам путешествуя
Вдруг вошла танцуя шествуя —
Из совсем другой игры

— Будет Авель помнить Каина...
— Вы! Забыли про хозяина?
Сталин — мой отец и брат! —
У старухи голос мхатовский
Книппер-чеховский ахматовский
И замасленный бушлат

И кривясь улыбкой странною
Держит пальму ресторанную
Будто зонтик или флаг
Приближаются кошачие
Рыжесерые незрячие
— Будешь помнить или как?

Усмехнулась понимающе
— Посоветуйте товарищи
В общем можете идти —
На часы гляжу растерянно
Как плывет в другую дверь она —
Время ровно без пяти

Рядом девушки хихикают
Огоньки в окошке прыгают
Наше дело — сторона...
Но была она — вошедшая
Пьяная и сумасшедшая
Величава и страшна

МЕРТВОЕ СЕЛО — ПОДМОСКОВЬЕ

Ни движенья ни шума
Лишь на белой крыше дома —
Голубая тень дыма
Откуда ни возьмись
Прикатил виляя виллис
На пригорке вылез
Фетровые бурки поскрипывают
— Погляжу-ка я на вас —
Кто-то всхлипывает
— Как навоз?
— Что корма?
Немы серые дома
Окна смотрят кротко
Скрипнула калитка
На снегу — следы
— Сюда пожалуйте сюда —
Навес. Окаменел навоз
— Где ж у вас коровы?
— Тут честное слово!
И поросят штук пятьдесят...
— Почему не хрюкают?
— Дак они мяукают
Хруп хруп — опорки
Поскрипывают бурки
И еще следы — навстречу
Теплый голос:
— Добрый вечер

Темный волос — на снегу
— Это наша птицеферма
— Где же куры?
— Вот — помет
Кохиноры и легорны
Тыщи полторы примерно...
А теперь прошу к столу
Это — сало это — мед...
Нет ни меда
Ни народа!
Хоть кричи отчаянно
Нет в избе хозяина!
Солнце село
Тишина
Мертвое село!
Лишь машина —
У колоды
И следы, следы, следы
Волчьи заячьи овечьи...

КРИК ЭЛЕКТРИЧКИ

Как электричка неслась и кричала
В ночной подмосковной пустыне!
Как электричка неслась и стучала стучала стучала
Всеми своими вагонами полупустыми
Без головы и хвоста без конца и начала

Блюдца жестянки и банки дребезжали в заколоченной
даче —
Так электричка кричала — неслась и кричала!
Окна таких же вагонов мелькая летели навстречу
Светом своим мельтеша без конца и начала

Ночь без конца и начала — одни на рабочем
воровском полустанке
Чудилась близость Москвы без конца и начала
И все сильнее бренчали ведра тазы и жестянки
Чайкою в снег электричка неслась и кричала

БАБЬЯ ДЕРЕВНЯ

Поэма

Белесоглазый, белобровый,
Косноязычный идиот.
Свиней в овраге он пасет.
Белесоглазый, белобровый
Кричит овцой, мычит коровой.
Один мужик в деревне. — Вот —
Белесоглазый, белобровый
Косноязычный идиот.

Веревкой черной подпоясан,
На **голом** теле — пиджачок.
Зимой и летом кое в чем,
Веревкой черной подпоясан.
Он много ест. Он любит мясо.
По избам ходит дурачок
Веревкой черной подпоясан.
На голом теле — пиджачок.

Вдова — хозяйка пожилая
Облюбовала пастуха.
Собой черна, ряба, суха
Вдова — хозяйка пожилая.

Но сладок грех. Греха желая,
Зазвала в избу дурака.
Пылая, баба пожилая
Борщом кормила пастуха.

Урчал. Бессмысленно моргая,
Таращил мутные глаза.
Так чавкал, что хрустело за
Ушами — и глядел, моргая,
Как сахар, кости разгрызал.
Пил молоко, как пес, лакая.
Насытился. Сидит, рыгая.
Как щели, мутные глаза.

Как быть, что делать бабе вдовой?
Он — как младенец. Спит пастух,
Тряпья, капусты кислый дух...
Как быть, что делать бабе вдовой?
Она глядит: мужик здоровый,
Литая грудь, на скулах пух.
Как быть? Что делать бабе вдовой?
В ней кровь разбередил пастух!

Вдруг ощутила: душит что-то.
Все учащенней сердца стук.
Босая — к двери. Дверь — на крюк!

К нему! Упало, брякнув, что-то
И разбудила идиота.
В его мычании — испуг.
— Не бойся! жарко шепчет что-то.
Все учащенней сердца стук...

Ночь. Ночь осенняя глухая,
Все холоднее, все темней.
На лампу дует из сеней
Ночь, ночь осенняя глухая.
В садах шуршит листва сухая.
Черна деревня. Нет огней.
Ночь! Ночь осенняя глухая,
Все холоднее, все темней.

Спят на полу и на палатях.
Ворочаются на печи.
Как печи, бабы горячи.
И девкам душно на палатях.
Там сестры обнимают братьев
Среди подушек и овчин.
Возня и вздохи на палатях.
Томленье, стоны на печи.

Парней забрали. Служат где-то.
Мужья — на стройках в городах.

В тайге иные — в лагерях.
Иных война пожрала где-то.
Зовут их бабы! Нет ответа.
Деваться девкам не-ку-да!
В солдатах парни, служат где-то
В столицах, в дальних городах.

Тоскуют бедра, груди, спины.
Тоскуют вдовы тут и там.
Тоскуют жены по мужьям.
Тоскуют бедра, груди, спины.
Тоскуют девки, что невинны.
Тоскуют самки по самцам.
Тоскуют бедра, груди, спины —
Тоскуют, воя, тут и там!

И лишь рябая — с идиотом.
Лежат. Обнявшись. Дышет мгла.
Сопит. В любви рябая зла.
Блудит рябая с идиотом.
Лампадка светит из угла.
Христос с иконы смотрит: кто там?
А там — рябая с идиотом.
Сопит и трудно дышет мгла.

Вот лопоухий, редкобровый,
Шерстистолобый идиот.

Уснул, открыв слюнявый рот.
Вот лопоухий, редкобровый
Урод. Но сильный и здоровый.
Один мужик в деревне. Вот,
Вот — лопоухий, редкобровый
И вислогубый идиот!

1958 г.

ГОЛОСА . . . . . .

Голоса 6
Берись за руки и за ноги... 7
Одиночество 9
Предпраздничная ночь 11
Смерть дезертира 13
Земля 16
Радиобред 18
Война будущего 20
«Обезьян» 21
Разговоры на улице 23
Ночь 24
Премьера 25
Столица 27
Провинциальные похороны 29
Знаменитый хирург 31
Икар 33
Два поэта 35
Борона 37
Герострат 38
Урок 40
Клевета 42
Анекдот 44

Утренняя философия 46
Ночь 48
Блохомор 49
Ау-Ау 51
Посещение 52
Бык 54
Боров 56
Иван и диван 58
Паук 60
Суд 62
В ресторане 64
Букет 66
Поэт и музы 68
Воплощения 70
Сон наяву 72
Солдаты и русалки 74
Солдаты на отдыхе 76
Киносеанс 78
Бог 80
Бунт 82

МОСКОВСКИЕ МИФЫ . . . .

Парад идиотов 85
Московские мифы 88
Умирающий Адонис 90
Главтитан 92

Зевс во гневе 94
Дионис 96
Из Катулла 101
На покупку книг 102
Свирепая 103
Мрамор 108
Третий Рим 110
Молох 111
Возвращение в Итаку 113
Эпитафия своему дивану 115
Голова сказочника 117

ЖИТИЯ 120

I. Князю Ивану Хворостину — вирши . . 121
II. Складень 123
1. Вирши о монахе Германе, келейнике патриарха Никона 123
2. Вирши о Петре Буслаеве, протодиаконе Успенского собора 125
3. Вирши о Сильвестре Медведеве, духовнике царевны Софьи 126
III. Карасев 129
Жрица культа 132
Мертвое село — Подмосковье 134
Крик электрички 136
Бабья деревня *(Поэма)* 137

Генрих Вениаминович САПГИР

МОСКОВСКИЕ МИФЫ

Стихи

Художник *Борис Миньковский*

Редакторы *Н. И. Байков* и *А. Д. Власов*
Художественный редактор *Г. И. Максименков*
Технический редактор *М. Ю. Осипова*
Корректор *Л. В .Смакова*
Младший редактор *Л. Ю. Хритина*

Сдано в набор 24.04.89. Л-17392. Подп. в печ. 28.11.89. Формат 60×90/32. Бумага писчая. Гарнитура обык. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,5. Усл. кр.-отт. 4,63. Уч.-изд. л. 4,13. Тираж 5000 экз. Цена 2 руб. 50 коп. Заказ 808.

Издательство «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина.
119048, Москва, ул. Усачева, 64.
Типография МГПИ им. В. И. Ленина.
129243, Москва, ул. Кибальчича, 6

2 руб. 50 коп.